

## Обзоры

### КИЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ XII В. В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Интерес к Киевской летописи XII в., являющейся непосредственным продолжением «Повести временных лет», возник в Польше очень давно. Известны здесь были разные редакции этой летописи, которые сохранились главным образом в составе списков Лаврентьевско-Радзивилловского и Ипатьевско-Хлебниковского типа.

Теоретически первые следы знакомства поляков с названным источником можно искать уже в XIII веке. В то время существовали оживленные отношения между Польшей и Русью, а особенно между имевшими общую границу Краковским, Мазовецким и Галицко-Владимирским княжествами. Правящие в них князья принимали участие во внутренних делах своих соседей, заключали между собой договоры, которые часто скрепляли брачными династическими союзами<sup>1</sup>. Не подлежит сомнению, что это способствовало широкому культурному обмену. Можно предполагать, что уже тогда Киевская летопись могла быть известной по крайней мере некоторым членам польских княжеских семейств. Но доказательства этого у нас пока нет.

Присоединение в XIV в. Галицкой Руси к Польше делает возможным знакомство поляков с русскими летописями еще более вероятным. Но, к сожалению, и об этом нет достоверных сведений. Засвидетельствованный факт пользования материалом Киевской летописи отмечается лишь во второй половине XV в. у польского хрониста Я. Длугоша. Стремясь обстоятельно и всесторонне воссоздать историю Польши, Длугош использовал огромное количество отечественных источников. При этом он справедливо считал, что история родной страны осталась бы далеко не полной, если не учитывать события, происходившие в соседних государствах, в постоянном общении с которыми находилась Польша. Поэтому в библиотеке Длугоша, кроме польских, находились чешские, венгерские, немецкие, литовские и русские источники, в том числе летописи и хроники. Из них он черпал богатый фактический материал по истории Руси начиная с ее легендарных времен и кончая 1288 годом. Сведения о самой далекой эпохе в историческом развитии восточного соседа он выписал из «Повести временных лет», историю же Польши XII в. пополнил за счет данных Киевской летописи.

Зайствованные из этого памятника известия можно найти в IV, V и VI главах (книгах) «Истории» Длугоша, где они чередуются с данными, взятыми из польских анналов. Преобладающее количество почерпнутого летописного материала касается внутренней жизни Руси XII века. Длугош обратил внимание прежде всего на борьбу, которая велась между удельными князьями за киевский великокняжеский престол; отметил такой важный факт в истории Руси, как поход коалиции 11 русских князей под предводительством Андрея Боголюбского (в 1169 г.) на Киев, в значительной мере подорвавший положение столицы. Не остались не замеченными хронистом и характерные для Руси XII в. междинастические распри (например, Ростиславичей с Юрием Долгоруким, Ольговичей с Мстиславичами). Много места в «Истории» было отведено сведениям о беспрестанных сражениях русских князей с половцами. В частности, под 1194 г. упоминается и удачный поход новгород-северского князя

---

<sup>1</sup> См. подробнее F. Sielicki. Kroniki staroruskie w dawnej Polsce. «Slavia Orientalis», 1964, № 2, 5, 134—137; J. Wojciechowski. Podział i zakres dziejów polskich. Lwów. 1884, s. 11, 14—15.

Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве» (в действительности поход имел место в 1185 г.).

Надо отметить, что польский хронист объективно изобразил внутренние дела Руси; содержание выписанных им фрагментов летописи, как и освещение представленных в ней событий, не подвергалось искажениям, если не считать некоторых незначительных неточностей, встречающихся в русских известиях длугошевской «Истории»<sup>2</sup>. В подавляющем числе случаев материал Киевской летописи, приведенный в ней под разными годами, Длугош объединял на основании причинно-следственных связей в тематические группы и сокращал. Часть летописных сведений о Руси он привел в такой же последовательности, как и в русском источнике, подвергая их, однако, значительным сокращениям.

Совсем других принципов придерживался Длугош при освещении польско-русских отношений XII века. Говоря о связях Польши с Галицким и другими русскими княжествами, историк предпочитал черпать материал из отечественных письменных источников, в первую очередь из «Хроники» краковского епископа В. Кадлубка и из «Великопольской хроники», так как они проливали на эти отношения самый выгодный для поляков свет. Поэтому патриотически настроенный Длугош пропускал, а иногда даже переиначивал те известия Киевской летописи, которые показывали поляков не всегда с положительной стороны, а тем самым вредили, по его мнению, славе польского имени. Например, он умолчал о помощи немецкого императора Фридриха Барбароссы, оказанной галицкому князю Владимиру Ярославичу при его вокняжении на отцовский престол в 1189 г., и объяснял это событие исключительно содействием польского князя Казимира Справедливого. Вопреки записям русского источника<sup>3</sup> (в котором отмечается, что польские князья Генрих Сандомирский и Болеслав IV Кудрявый, выступившие на помощь Изяславу Мстиславичу против Юрия Долгорукого, отказались от своего намерения, услышав о нашествии на Польшу пруссов, не заключив с Долгоруким хотя бы удовлетворительного для Изяслава союза и оставив его на произвол судьбы) Длугош считает, что поляки ушли из-за того, что Изяслав оказался трусом, воевал вяло, в результате чего их войска бездействовали всю зиму, «с нетерпением ожидая сражения»<sup>4</sup>.

Несмотря на эти погрешности, Длугош первым из польских хронистов обратил внимание на столь важный исторический источник, каким является Киевская летопись, оценивая ее данные как полезный материал для воспроизведения истории Польши XII века. Кроме того, интерес к русским летописям Длугош передал своим последователям, которые учились у него писать историю родной страны с учетом также событий и фактов, имевших место на Руси, прочно связанной с Польшей историческими судьбами.

Многие польские хронисты XVI в., заимствовавшие у Длугоша фактический материал, переписывали и его известия по истории Руси XII века. Некоторые из них, например, Мацей из Мехова и М. Стрыйковский, изучая летописи, пополняли историю Длугоша новыми русскими сведениями<sup>5</sup>. Знаменательно также, что в своей «Хронике поляков» Мацей Меховский привел русский материал Длугоша полнее, чем известия по истории Польши. Стрыйковский же был первым польским историком, который изложил историю Киевской Руси в отдельной главе «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси».

Другие хронисты той поры, такие, как М. Бельский, епископ М. Кромер, Ст. Сарницкий, воспроизводили в основном летописный материал за интересующий нас период из «Истории» Длугоша и «Хроники поляков» Мацея из Мехова, не принимая во внимание собственно русские сведения, а выписывая скрупулезно данные, которые касались только польско-русских контактов. Польские историки XVI ст. смотрели на историю Киевской Руси XII в. и на развивавшиеся в то время связи Польши с во-

<sup>2</sup> См. подробнее E. Góranin. *Latopis Kijowski (1160—1199) w dawnej Polsce. «Slavia Orientalis», 1972, № 4, s. 414—418.*

<sup>3</sup> «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ). Т. II. Ипатьевская летопись, СПб. 1908, стр. 387—388.

<sup>4</sup> J. Długosz. *Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego*. T. 3. Warszawa. 1973, s. 53.

<sup>5</sup> E. Góranin. *Op. cit.*, s. 420, 422—423.

сточным соседом глазами Длугоша, разделяли его оценки событий, повторяя на страницах своих хроник суждения и взгляды своего предшественника.

На протяжении XVI и XVII вв. Киевская летопись читалась и изучалась многими поляками (а также проживавшими в Польше итальянцем А. Гваньини и украинцем С. Коссовым), которые оставили на полях Погодинского и Хлебниковского списков ряд замечаний на латинском, а особенно на польском языках. Чаще всего записывались результаты сравнения текста Погодинской летописи (списанной в 1621 г. на территории Польши по поручению брацлавского подкомория князя Стефана Четвертынского с Хлебниковского списка) с текстом Ипатьевской и Хлебниковской летописей. Чтобы уберечь от возможной гибели или порчи Радзивилловский (Кенигсбергский) свод (содержащий выписки из Киевской летописи), поляки передали его в 1671 г. в библиотеку г. Крулевца<sup>6</sup> (Кенигсберга).

В конце XVII или в самом начале XVIII в. была сделана удачная попытка сокращенного (по 1186 г.) перевода на польский язык текста Киевской летописи. Ее осуществил владимирский униатский епископ Лев Кишка. Это был первый перевод данного источника на иностранный язык (перевод на немецкий язык по Радзивилловскому списку был осуществлен только в 1732 г.)<sup>7</sup>. Рукописный текст перевода Кишки находился в середине XIX в. в руках А. Белевского (первого издателя «Повести временных лет» в Польше), который снял с него копию и намеревался ее опубликовать<sup>8</sup>. К сожалению, манускрипт Кишки, как и копию Белевского следует считать безвозвратно утраченными (в рукописном отделе Библиотеки имени Оссолинских, директором которой Белевский являлся в течение многих лет, их нет).

Широко пользовался Киевской летописью польский историк А. Нарушевич. На заимствованный из нее материал он смотрел совсем по-иному, чем его предшественники. Прежде всего ученый пытался критически отнестись к известиям русского источника, а также определить степень их достоверности. Нарушевич, как типичный историк эпохи Просвещения, стремился написать «Историю польского народа» исключительно на основании подлинных документов. С этой целью королевские секретари искали для него в отечественных и зарубежных библиотеках материалы, снимали копии с многочисленных хроник. Таким путем в библиотеку польского историка попала так называемая Краковская летопись, специально транскрибированная для Нарушевича латинскими буквами с Погодинского списка<sup>9</sup> (и по сей день хранящаяся в Ягеллонской библиотеке в Кракове).

Киевская летопись (которую Нарушевич не отличал от «Повести временных лет», называя оба памятника «Нестором») была важна для него в первую очередь своими известиями по истории русских княжеств, граничащих на западе с Польшей. Ее данные служили историку для опровержения или подтверждения (а чаще всего для пополнения) сведений, приведенных отечественными источниками. Нарушевич отдал, например, предпочтение русской летописи при уточнении родственных связей Романа Галицкого; сослался на нее также, повествуя о соре этого князя с Рюриком Ростиславичем и Всеволодом Большое Гнездо<sup>10</sup>. Киевская летопись в значительной мере помогла Нарушевичу более объективно оценить связи, существовавшие в XII в. между Польшей и Русью. Поэтому в «Истории польского народа» автор часто высказывает сомнения по поводу правдивости записей Длугоша и его преемников на эту тему. Правда, у Нарушевича встречаются и отрицательные (при этом несправедливые) высказывания в адрес Киевской летописи. Иногда он подвергал сомнению подлинность данных источника только потому, что польские анналы давали им другую трактовку. Например, освещая отношения, которые сложились между Романом Мстиславичем и Мешко Старым накануне битвы на Мозгаве (в 1195 г.), Нарушевич не согласился с объяснением их Киевской летописью, исходя единственно из того, что Кадлубек в своей хронике придерживался иного мнения<sup>11</sup>.

<sup>6</sup> ПСРЛ, Т. II. Предисловие А. А. Шахматова, стр. IX—XIII.

<sup>7</sup> F. Sielicki. Powieść minionych lat. Wrocław. 1968, s. 132.

<sup>8</sup> [A. Bielowski]. Program wydania «Pomników historycznych Polski». (Pękopis Ossolineum, sygn. 2421/III). Lwów. 1852.

<sup>9</sup> ПСРЛ, Т. II, стр. XII.

<sup>10</sup> A. Naruszewicz. Historia państwa polskiego. Kraków, T. 2. 1859, s. 53, 87—88, 90.

<sup>11</sup> Op. cit., s. 88.

Благодаря своему критическому отношению (правда, не всегда последовательному) Нарушевич остался для своих преемников, историков XIX в., авторитетом в отношении метода использования материала Киевской летописи.

В начале XIX в. в польской историографии наблюдается повышенный интерес к исследованию предистории славян, что не благоприятствовало углубленному изучению более поздних эпох, в частности истории XII века. В это время Киевская летопись оставалась в тени своей предшественницы «Повести временных лет», которая подверглась на рубеже XVIII и XIX столетий тщательному критическому анализу. Фактический материал черпался польскими историками преимущественно из работ русских ученых. Среди их сочинений главное место отводилось труду Н. М. Карамзина «История государства Российского», в котором автор цитировал (в тексте и в сносках) фрагменты Киевской летописи. Кстати, в польском переводе «Истории» Карамзина (1824—1830 гг.) сохранились все выписки из этой летописи (транскрибированные латинскими буквами), что сыграло существенную роль в ознакомлении польских читателей с отрывками из этого свода, если учесть громадный успех, каким пользовался в Польше труд Карамзина. При посредстве этого историка использовали данные Киевской летописи польский этнограф З. Доленга-Ходаковский, переводчик «Русской Правды», И. Б. Раковецкий, историк И. Данилович<sup>12</sup>. Читали и изучали ее фрагменты, помещенные в «Истории государства Российского» И. Лелевель, А. Мицкевич и многие другие.

Подавление царскими войсками восстания 1830—1831 гг. в Польше в значительной степени затормозило развитие русско-польских культурных связей. Правда, эти события не ослабили интереса в Польше к русским источникам, в том числе и к Киевской летописи, однако они отразились на интерпретации описанных в ней исторических фактов, на которые многие ученые смотрели сквозь призму современного им политического положения в стране. Кроме того, с этого времени у польских историков замечается «литовский уклон» в изучении истории Киевской Руси, например, у Т. Нарбутта, Ю. И. Крашевского<sup>13</sup>, которых привлекали в Киевской летописи исключительно сведения по истории Литвы.

Возникшая после 1830 г. обстановка наиболее ярко и наглядно отразилась на толковании истории Руси XII в. в работах Лелевеля, особенно в его «Истории Руси и Литвы» (1839 г.), где он изложил концепцию о развитии царского абсолютизма, символом которого для него являлась Москва. Поэтому Лелевель не мог согласиться с мнением Карамзина, высказанным на страницах «Истории государства Российского», что Москва восприняла историческое и культурное наследие Киевской Руси. Анализируя фрагменты Киевской летописи (помещенные в труде Карамзина) и не находя в историческом развитии Киевской Руси фактов, свидетельствовавших о деспотизме и жестокости, Лелевель приходит к выводу, что их исток и следует искать в Суздальской земле, где в результате длительного общения с проживавшими в Залесском крае норманскими финнами, венграми и поволжскими болгарами русские племена якобы унаследовали чуждые славянам черты<sup>14</sup>. В этом плане он рассматривал все походы владими́ро-суздальских князей на Новгород и Киев, несправедливо называя некоторых из них (например, Андрея Боголюбского) единственными грабителями и разрушителями «истинно славянской» Киевской Руси.

Такого же мнения об истории Руси XII в. придерживался под влиянием работ Лелевеля и Мицкевич. Свои взгляды по этому вопросу поэт высказывал в курсе лекций по славянским литературам, прочитанном в Париже в 1840—1844 годах. Мицкевич

<sup>12</sup> Z. D. Chodakowski. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem. Warszawa. 1967, s. 49—74, 75—125; I. B. Rakowiecki. Prawda ruska, czyli prawa wielkiego księcia Jarosława Władymirowicza Warszawa. 1820, s. 77; I. Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. T. I. Wilno. 1860.

<sup>13</sup> T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. 3. Wilno. 1838; eju s.d. Późniejsze pisma historyczne, szczególnie do historii Litwy odnoszące się. Wilno. 1856, s. 24; J. I. Kraszewski. Historia Wilna od początków jego do r. 1750. Wilno. 1840, s. XIX—XXIV, 18; eju s.d. Starożytne dzieje, ustawy, przysłowia, podania itd. Wilno. 1847, s. 508—510.

<sup>14</sup> J. Lelwiel. Dzieła. T. 9. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Warszawa. 1959, s. 105, 109, 120—122.

был знаком с текстом Киевской летописи во французском переводе Л. Париса (1834—1835 г.), по изданию которого процитировал два кратких фрагмента, стремясь на их примере доказать превосходство польских хроник над русскими летописями. Не понравился поэту сжатый, сухой стиль летописи, ее нелитературная форма, отсутствие комментариев к событиям<sup>15</sup>. Надо отметить, что предвзятое отношение Мицкевича к Киевской летописи, вызванное, несомненно, тогдашней политической атмосферой, не повлияло на его общую положительную оценку этого памятника.

С иной позиции подошел к летописи знаток русской средневековой культуры и законодательства В. А. Мацеевский, которого привлекали в ней прежде всего известия, подтверждающие идею славянского единства. Ученый обратил внимание на полонизмы, встречающиеся на страницах Киевской летописи, кроме того, он использовал ее данные для рассмотрения родовой мести на Руси XII в., судебной власти, способов назначения на должности, искал в ней сведений о языческих божествах и пр.<sup>16</sup>.

Данные Киевской летописи встречаются также в сочинениях историка литературы М. Вишневецкого. Во втором томе его популярной в свое время «Истории польской литературы» (1840 г.) имеется глава, посвященная летописанию Южной Руси. Ученый отвел в ней много места проблеме авторства Киевской летописи и изложил (вслед за А. Л. Шлецером) гипотезу В. Н. Татищева о трех летописцах, продолжателях труда Нестора: Сильвестре, Нифонте и анониме; он отметил также справедливое предположение Карамзина о том, что одним из авторов Киевской летописи мог быть некий хронист великого князя киевского Рюрика Ростиславича. Вишневецкий подчеркивает роль русских сводов, в том числе и Киевской летописи как исключительно ценных источников для изучения прошлого Польши<sup>17</sup>.

Важной вехой в изучении Киевской летописи в Польше явилась вышедшая из-под пера Ф. Зелинского (1845 г.)<sup>18</sup> подробная рецензия на второй том Полного собрания русских летописей, содержащий текст интересующего нас памятника. Рецензент очертил на основании текста летописи границы земель, перечислил их города, сделал выписки, относящиеся к истории Литвы, и рассмотрел все известия, касающиеся Польши (частично переведя их на польский язык). Эта рецензия (а скорее статья о Киевской летописи) была наиболее полным и подробным для своего времени анализом памятника в Польше. Важно отметить, что Ф. Зелинским нигде не была подвергнута сомнению достоверность данных Киевской летописи.

С этого примерно времени Киевская летопись как источник получает безоговорочный авторитет в исследовательских работах польских историков XIX века. Ссылки на этот памятник при изучении истории Руси и польско-русских связей XII в. в значительной мере повысили ценность и значение трудов Г. Шмитта, К. Гурского, Л. Дробы, Ст. Смольки<sup>19</sup> и многих других. Так, благодаря Киевской летописи Г. Шмитту удалось более объективно осветить польско-галицкие отношения в интересующий нас период, дать справедливую оценку деятельности Ярослава Осмомысла в укреплении своего княжества благодаря той проницательной и дальновидной политике, которую он вел по отношению к Польше и к великим киевским князьям<sup>20</sup>. К. Гурскому Киевская летопись помогла раскрыть действительный повод изгнания Владимира Ярославича из Галича (причиной которого был Роман Мстиславич и галицкие бояре, а не Казимир Справедливый, как писал Кадлубек, а вслед за ним и другие польские хронисты). На основании данных Киевской летописи Гурский доказал также, что помощь Казимира не была

<sup>15</sup> A. A. Mickiewicz. Dzieła. T. 8: Literatura słowiańska. Kurs pierwszy. Warszawa. 1955, s. 317—318.

<sup>16</sup> W. A. Maciejowski. Pierwotne dzieje Polski i Litwy. Warszawa. 1846, s. 187—188, 267, 327, 472.

<sup>17</sup> M. Wiszniewski. Historia literatury polskiej. T. 2. Warszawa. 1840, s. 160—161.

<sup>18</sup> F. Zieliński. Zbiór zupełny ruskich latopisarzy. Latopis Hypacowski. «Biblioteka Warszawska». T. 4. 1845, s. 1—43. В XIX в. многие польские ученые подобным образом переводили название Ипатьевской летописи; современное же, преобладающее в нашей литературе название этого свода — Latopis hipacki.

<sup>19</sup> H. Szmitt. Rys dziejów narodu polskiego od najdawniejszych czasów znanych do r. 1763. T. 2. Warszawa. 1855; K. Górski. Stosunki Kazimierza Sprawiedliwego z Rusią. Lwów. 1875; L. Drobą, St. Smółka. Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa. 1881.

<sup>20</sup> H. Szmitt. Op. cit., s. 139—140.

единственной и исключительной силой, которая вернула Владимиру утраченный отцовский престол, что это было сделано по распоряжению Фридриха Барбароссы, вассалом которого в то время был краковский князь<sup>21</sup>.

В связи с интенсивным развитием исторической науки во второй половине XIX в. в Польше возникла потребность в издании летописей, хроник и документов (отечественных и зарубежных), в особенности тех, которые касались пястовской эпохи. А. Белевский задумал публикацию большой серии исторических памятников под заголовком «*Monumenta Poloniae historica*». Во втором томе, где были собраны материалы, относящиеся преимущественно к истории XII—XIII вв., Киевской летописи — первоисточника по истории Польши — почему-то не оказалось. На этот существенный пробел в издании указывали многие польские историки, не раз постулировавшие издание Киевской летописи в польском переводе<sup>22</sup>.

Большое внимание изучению Киевской летописи уделил А. Семкович, автор критического разбора «Истории» Длугоша. Он перечислил все русские известия «Истории» за XII в. и сопоставил их с данными Киевской летописи разных списков, стараясь определить, каким из них пользовался этот польский хронист. В результате Семкович пришел к выводу, что материал по истории Руси рассматриваемого периода Длугош черпал из Лаврентьевской летописи, пополняя ее сведения известиями Троицкого свода и данными еще какой-то неизвестной летописи, сходной с Ипатьевской<sup>23</sup>.

Ссылался на Киевскую летопись и О. Бальцер в своем труде «Генеалогия Пястов» (1895 г.), в котором исследовал родословную Пястов и их связи с европейскими княжескими домами, в том числе и с Рюриковичами. Сопоставляя известия Киевской летописи с данными отечественных хроник, он пытался уточнить даты польско-русских династических браков, заключенных в XII веке<sup>24</sup>.

Внимательно анализировал Киевскую летопись также Ф. Равита-Гавроньский, писатель и автор трудов по истории казачества. Свою работу «Очерк общественно-политического строя Руси XI—XII вв.» (1896 г.) он построил исключительно на источниковедческом материале, в первую очередь на «Повести временных лет», «Русской Правде» и Киевской летописи. Исходя из данных этих памятников, он изучал военное дело Руси XII в., ее гражданскую и судебную власть, структуру общества, экономику, обычаи и т. д.<sup>25</sup> В книге приводятся цитаты из Киевской летописи (транскрибированные латинскими буквами).

Нельзя не отметить и вклад польских археологов в изучение Киевской летописи, которая была важна для них прежде всего своими ценными топографическими известиями. Например, И. Шараневича и А. Чоловского привлекали в основном те фрагменты источника, где речь шла о Галиче и галицких делах. Сведения, заимствованные из памятника, служили им отправными точками для определения расположения древнерусского княжеского града Галича<sup>26</sup>.

В начале XX в. польские историки начали тщательно изучать Киевскую летопись, стремясь найти в ней известия о польско-русской границе в XII веке. Этот интерес был

<sup>21</sup> K. Gó r s k i. Op. cit., s. 16 i n.

<sup>22</sup> St. Smolka. [Recenzja tomu trzeciego «Pomników dziejowych Polski»]. «Ate-neum», 1879. T. 4, s. 549; K. Liske. Referat o dalszym wydawnictwie Monumenta Poloniae historica. [W:] Pamiętnik I Zjazdu Historycznego Polskiego im. J. Długosza. T. 6. Kraków. 1881, s. 30—31; I. S z a r n i e w i c z. [Wystąpienie na pierwszym posiedzeniu sekcji historycznej dnia 20 maja 1881 roku po referacie K. Liskego]. Ibid., s. 33; E. Rulikowski. Wydawnictwa Komisji Archeograficznej Petersburskiej. «Przegląd Powszechny», 1884, T. 4, s. 279; A. Lewicki. [Recenzja Monumenta Poloniae historica. T. 4. «Kwartalnik Historyczny», VIII, 1894, s. 338; W. Semkowicz. O potrzebie reedycji źródeł historycznych z doby piastowskiej. [W:] Pamiętnik IV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Poznaniu. T. I. Referaty. Lwów. 1925, s. 6; K. Sochaniewicz. Stan, organizacja i postulat badań nad historią ziem południoworuskich. Ibid., s. 10.

<sup>23</sup> A. Semkowicz. Krytyczny rozbiór «Dziejów polskich Jana Długosza». Kraków. 1887, s. 54—55.

<sup>24</sup> O. Balzer. Genealogia Piastów. Kraków. 1895, s. 184—185, 189, 190—194, 258—260.

<sup>25</sup> F. Rawita-Gawronski. Zarys ustroju państwowo-społecznego Rusi w XI i XII wieku. «Przewodnik Naukowy i Literacki», XXIV. 1896, s. 40—56, 133—149, 233—243, 337—344, 421—429, 515—525, 639—650, 724—739.

<sup>26</sup> I. Szaraniewicz. Starodawny ksiązcy gród Halicz. Lwów. 1880, s. 66—81; A. Czolowski. O położeniu starego Halicza. Lwów. 1890, s. 18—24.

продиктован сложившейся политической обстановкой. К данным русских источников, в том числе и к Киевской летописи, обратился А. Шелёгowski, стараясь извлечь из них аргументы, которые могли бы предотвратить предполагавшийся царским правительством отрыв от Королевства Польского Хелмской области и присоединение ее к территории «исконно русской империи». Шелёгowski пытался опровергнуть «исторические предпосылки» этого плана, конструируемые некоторыми русскими и украинскими историками-националистами (Н. Барсовым, М. Грушевским и др.)<sup>27</sup>.

Вопрос о русско-польской границе интересовал также Ф. Конечного, автора «Истории России» (1917 г.) — первого польского труда, синтетически излагавшего историю восточного соседа Польши. Он выдвигал в нем необоснованные теории о том, будто бы вплоть до XIII в. на землях Галицкого княжества преобладающую часть населения составили поляки. Излагая ход событий в этом княжестве, Конечный тенденциозно умалчивал о фактах, записанных в Киевской летописи, а популяризировал необъективные сведения по этому вопросу из хроник Кадлубка и Длугоша. Тенденциозность проявилась также в интерпретации Конечным летописных данных. Например, из того факта, что в Киевской летописи отмечена смерть Владимира Ярославича, но ничего не сказано о том, что он был бездетным, историк сделал вывод, что Русь не интересовалась якобы судьбой этого княжества, так как «по всей вероятности, не считала его русским»<sup>28</sup>.

После восстановления независимости Польши (1918 г.) наблюдается более объективный подход польских историков к Киевской летописи, как и к другим русским памятникам в целом. Националистический уклон в этой области встречается уже реже. В 20—30-е годы появился ряд ценных монографий и синтетических трудов по истории Киевской Руси и польско-русских отношений за этот период. Среди исследований, базирующихся на материале Киевской летописи, следует отметить работы Б. Влодарского («Русская политика Лешка Белого» — 1925 г., «Волинь в период княжения Рюриковичей и Болеслава Юрия Тройденевича» — 1934 г.) и А. Вилькевич-Вавжиньчик («Из исследований по польской политике на Руси на рубеже XII и XIII вв.» — 1937 г.). Изучая данные Киевской летописи и отечественных хроник, эти авторы пришли к выводу, что в XII в. существовали оживленные и в основном дружественные контакты между Польшей и Русью, свидетельством чего были частые браки в польско-русских княжеских семействах<sup>29</sup>.

Особенно активно Киевская летопись начала изучаться после второй мировой войны. Невозможно перечислить все труды, в которых имеются ссылки на этот источник. Поэтому ограничимся только некоторыми примерами. Материал летописей широко использовал в своих многочисленных публикациях, посвященных исследованию истории славян, Г. Ловмянский<sup>30</sup>. Учитывали известия Киевской летописи историки, изучавшие внутренние дела раннефеодальной Литвы (Б. Охманский) и Руси (Л. Базылев)<sup>31</sup>. На основе данных Киевской летописи строились отдельные статьи «Словаря славянских древностей»<sup>32</sup> («Андрей Боголюбский», «Игорь Святославич», «Лыбедь», «Рогволод» и пр.).

В наше время тема польско-русских связей XII в. продолжает оставаться актуальной. Это объясняется наступлением новой эры в польско-русско-украинских отношениях, позволяющей более объективно рассматривать контакты, сложившиеся в минувшие эпохи. Исследователи этой проблемы (Ст. М. Кучинский, упомянутый уже Б. Вло-

<sup>27</sup> A. Szelągowski. Kwestia ruska w świetle historii. Warszawa. 1911, s. 3.

<sup>28</sup> F. Konieczny. Dzieje Rosji. Warszawa. 1917, s. 219.

<sup>29</sup> B. Włodarski. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów. 1925, s. 6—18; e j u s d. Wołyń pod rządami Rurykowiczow i Bolesława Jerzego Trojdenowicza. «Rocznik Wołyński», 1934, s. 24—29; A. Wilkiewicz-Wawrzyncykowa. Ze studów nad polityką polską na przełomie XII i XIII w. «Ateneum Wileńskie». T. XII. 1937, s. 4—6, 8—12, 15, 17—19.

<sup>30</sup> H. Łowmiański. Stosunki polsko-ruskie za pierwszych Piastów. «Przegląd Historyczny». T. 41, 1950, s. 152—179; e j u s d. O znaczeniu nazwy «Ruś» w wieku X—XIV. «Kwartalnik Historyczny». T. 64, 1957, s. 84—101; e j u s d. O składzie społecznym wczesnofeodalnych sił zbrojnych na Rusi. Ibid. T. 67. 1960, s. 436—447; e j u s d. Początki Polski. Tt. 2—4. Warszawa. 1963—1970.

<sup>31</sup> J. Ochmański. Historia Litwy. Wrocław, 1967; L. Bazylow. Historia Rosji. Warszawa. 1969.

<sup>32</sup> Słownik starożytności słowiańskich». Tt. 1—4. Warszawa. 1962—1970.

дарский и Ф. Персовский)<sup>33</sup> на основании детального анализа Киевской летописи показали в основном дружественные и мирные отношения Польши и Руси в XII столетии. Следует подчеркнуть, что к аналогичным выводам о взаимоотношениях русских земель с Польшей за интересующий нас период пришли и советские историки В. Т. Пашуто, который основывался в своих исследованиях также на материале Киевской летописи, и акад. Б. А. Рыбаков<sup>34</sup>.

В итоге следует отметить, что польские ученые первыми среди историков других народов заинтересовались Киевской летописью. Существенную роль в этом сыграло соседство, взаимные контакты и сходные пути исторического развития двух государств. Внимание польских ученых к этому памятнику объяснялось также тем, что он являлся важным источником по истории Польши; благодаря ему можно было пополнить сведения средневековых отечественных хроник. Правда, иногда имела место тенденциозная интерпретация текста летописи (например, у Лелевеля, Конечного), однако она была продиктована определенной (впрочем, преходящей) политической обстановкой и не отразилась на общей положительной оценке, которую дали памятнику польские ученые — знатоки русских летописей. Ссылки на Киевскую летопись есть и в многочисленных польских трудах по этнографии, археологии и средневековому законодательству. Таким образом, интерес к этому замечательному памятнику способствовал развитию польско-русско-украинских научных и культурных связей.

*Э. Горанин*

<sup>33</sup> S. M. Kuczyński. *Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w.* Warszawa, 1965; B. Włodarski. *Polska i Ruś 1194—1340.* Warszawa, 1966; e j u s d. *Sąsiedztwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego.* «Kwartalnik Historyczny». 1969, № 1, s. 5—17; F. Persowski. *Niektóre zagadnienia stosunków polsko-ruskich w XI—XIV w.* «Rocznik naukowo-dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Pleszewie», 1965.

<sup>34</sup> В. Т. Пашуто. *Внешняя политика Древней Руси.* М. 1968; Б. А. Рыбаков. *Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.* М. 1963; его же. *Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве».* М. 1972.